ИДЕОЛОГІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА.

а) Техническія и экономическія основы коллективизма.

— *Гдѣ лежатъ техническія условія, породившія коллективизмъ?*

— Въ машинномъ производствѣ. Оно дало новый характеръ человѣческому труду, развило новый типъ сотрудничества между рабочими; а отсюда возникли и новые способы мышленія.

— *Въ чемъ заключается новый характеръ труда?*

— При ручномъ трудѣ инструментъ приводится въ дѣйствіе прямымъ усиліемъ работника, при машинномъ же—механизмомъ. Въ первомъ случаѣ, если инструментомъ сдѣлано, положимъ, 10.000 движеній, то это значитъ, что работникъ выполнилъ такое же число соотвѣтственныхъ усилій; во второмъ—совершенно иначе: работникъ только управляетъ машиною, т.-е., пускаетъ ее въ ходъ, контролируетъ и регулируетъ ея движеніе, исправляетъ нарушенія хода, останавливаетъ ее, когда надо. Въ первомъ случаѣ вся механическая сторона труда лежитъ на работникѣ; при мануфактурномъ раздѣленіи операцій часто только она на немъ и остается: работникъ превращается въ настоящую машину для опредѣленныхъ движеній. Во второмъ случаѣ, именно эта сторона труда въ значительной мѣрѣ—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—снимается съ работника; но взамѣнъ того выступаетъ, и получаетъ преобладаніе другая—распорядительская сторона: человѣкъ распоряжается работою машины, сообразно цѣлямъ производства.

Инымъ становится все содержаніе труда. Въ мануфактурѣ оно сводилось къ ряду физическихъ усилій, выполняемыхъ на основѣ пассивнаго подчиненія руководящей волѣ—предпринимателя или его надсмотрщика. При машинѣ функція работника отнюдь не ограничивается подчиненіемъ и физическимъ усиліемъ; главное мѣсто въ ней занимаютъ другіе моменты: наблюденіе, вниманіе, соображеніе, даже инициатива—когда разстраивается что-нибудь въ механизмѣ.

Но что представляютъ эти моменты труда? Раньше они были

свойственны спеціально работѣ организаторской. Роль организаторовъ производства во всѣ времена заключалась въ томъ, чтобы распоряжаться дѣйствіями исполнителей, контролировать, регулировать, направлять ихъ при помощи наблюденія, вниманія, соображенія, иниціативы; и все это мы находимъ здѣсь, только въ отношеніи работника не къ другимъ, подчиненнымъ работникамъ или рабамъ, а къ машинѣ—«желѣзному рабу», лишенному жизни, но замѣняющему многихъ живыхъ. Слѣдовательно, трудъ, оставаясь исполнительскимъ, здѣсь получаетъ содержаніе организаторскаго. И онъ пріобрѣтаетъ такой характеръ тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ выше типъ устройства машины. При машинахъ несовершенныхъ рабочій долженъ непосредственно дополнять грубыя движенія механизма своими, болѣе сложными; при машинахъ автоматическихъ онъ уже всецѣло «управляетъ» механизмомъ.

Итакъ, новая форма труда есть исполнительско-организаторская, сливающая во-едино черты двухъ его видовъ, прежде рѣзко раздѣленныхъ.

— *Можно ли считать развитіе этой новой формы уже теперь завершившимся?*

— Нѣтъ; даже въ отрасляхъ наиболѣе передовыхъ по техникѣ оно не доходитъ еще до конца; и не можетъ дойти при капитализмѣ. Оно, какъ мы видѣли, зависитъ отъ типа машинъ, отъ ихъ совершенства; но капиталистическій строй не стремится, собственно, къ совершенству машинъ, а считается только съ ихъ выгодностью для предпринимателей. Между тѣмъ далеко не всякое дѣйствительное усовершенствованіе выгодно для капиталиста.

Дѣло въ томъ, что нанимая рабочихъ, онъ оплачиваетъ имъ только необходимое рабочее время, а прибавочное получаетъ въ свою пользу,—въ этомъ и состоитъ сущность эксплоатаціи. Покупая же машину, которая замѣститъ часть этихъ рабочихъ, онъ оплачиваетъ другому капиталисту всю ея трудовую стоимость—и необходимое, и прибавочное рабочее время, которое на ея производство затрачено. Получается вотъ что.

Предположимъ, что сумма труда, идущая на производство машины—10.000 раб. дней; и значитъ, если рабочій въ день создаетъ стоимость, выражаемую однимъ рублемъ, то денежная цѣнность машины—10.000 рублей. Пусть она до своего изнашиванья сберегаетъ всего 18.000 трудовыхъ дней. Ясно что это—машина весьма полезная для производства, потому что сберегаетъ чистыхъ 8.000 дней работы. Но стоитъ ли капиталисту вводить ее? Если необходимое рабочее время—половина рабочаго дня, то нормальная заработная плата—половина рубля. Капиталистъ нанимаетъ рабочихъ на 18.000 дней труда, и платитъ имъ, по 50 коп., всего 9.000 рублей. За машину же, ихъ замѣняющую, надо платить 10.000: явная невыгода.

Поэтому часто наиболѣе совершенные механизмы не могутъ теперь находить себѣ примѣненія. Пока, наивысшій ихъ типъ, достигнутый притомъ въ немногихъ отрасляхъ, автоматическій, гдѣ машина производитъ весь продуктъ съ начала до конца. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ трудъ наиболѣе сложенъ, капитализмъ, очевидно, и до этого типа не дойдетъ, потому что машины тогда потребовались бы слишкомъ «дорогія». Типъ же еще болѣе высокій, какой намѣчается наукою, останется вообще чуждымъ капитализму; это—механизмы автоматически-регулирующіеся.

— *Въ чемъ сущность этого типа, и какъ онъ намѣчается?*

— Главная роль работника при машинѣ—надзоръ и контроль надъ ея дѣйствіемъ. Уже теперь въ иныхъ случаяхъ нѣкоторыя части этихъ функцій переходятъ отъ работника къ разнымъ регулирующимъ и предохранительнымъ аппаратамъ, причемъ выполняются, конечно, гораздо точнѣе и быстрѣе. Къ приспособленіямъ такого рода относятся «регуляторы», напр., силы пара въ котлахъ, силы тока, скорости машинъ, и т. под.; затѣмъ автоматически-сигнальные приборы, извѣщающіе работника о необходимости его вмѣшательства; далѣе, такіе, которые останавливаютъ машину при опредѣленныхъ нарушеніяхъ ея хода, и проч.

Когда машины доведены до ступени простого автоматизма, или хотя бы близкой къ нему, то работниковъ при нихъ остается уже немного, и дальнѣйшее введеніе цѣлаго ряда приспособленій контрольныхъ, сигнальныхъ, вообще «регуляторовъ», можетъ дать лишь небольшую, сравнительно, экономію на рабочей силѣ, а обойтись должно недешево; для капиталиста нѣтъ мотивовъ къ этому. Поэтому въ современной промышленности настоящихъ, цѣлостныхъ механизмовъ этого типа не найти; примѣры ихъ можно пока указать только среди машинъ для истребленія. Въ военномъ дѣлѣ предприниматель—государство, и экономія на цѣнѣ машинъ не такъ важна, какъ быстрота, точность и совершенство ихъ разрушительнаго дѣйствія; тамъ—высшіе образцы современной техники. Такова Уайтхедовская торпеда, самодвижущаяся пловучая мина для взрыва кораблей. Это машина не только автоматическая, но и сама регулирующая свой ходъ подъ водою: цѣлый рядъ геніально-тонкихъ приборовъ заботливо слѣдятъ за тѣмъ, чтобы она шла въ точности по тому направленію и на той глубинѣ, какія желательны для того, кто ее пустилъ; всякое случайное отклоненіе вверхъ или внизъ, вправо или влѣво они тотчасъ же исправляютъ, до конца пути. Сложность аппарата огромна.

Автоматически-регулирующіеся механизмы для производства будутъ, разумѣется, еще гораздо сложнѣе; и они станутъ возможны только тогда, когда въ экономикѣ руководящей силою сдѣлаются интересы производителей и производства, а не эксплоатаціи; другими словами—только при коллективистической организаціи.

— *Какія измѣненія въ характерѣ труда должна вызвать эта высшая ступень научной техники?*

— Дальнѣйшее сближеніе разныхъ видовъ труда. При нынѣшнемъ машинномъ производствѣ сохраняется все-же глубокое различіе между работою «простого работника» и инженера; первая только техническ и-сознательна, вторая же имѣетъ научный характеръ; первая требуетъ отъ человѣка общаго пониманія механизма, дисциплинированнаго вниманія, толковости; вторая же—и оформленнаго, точнаго научно-техническаго знанія.

При само-регулирующихся механизмахъ уровень «простой» рабочей силы долженъ еще повыситься. Тамъ работнику придется время отъ времени производить сопоставленіе данныхъ, доставляемыхъ разными регулирующими аппаратами, дѣлать оцѣнку совокупности этихъ данныхъ, и съ выводами, изъ нея вытекающими, сообразовать свое вмѣшательство въ ходъ всего механизма. Очевидно, это будетъ настолько же инженеръ, насколько рабочій: сліяніе функцій, теперь рѣзко раздѣленныхъ.

Если при этомъ и будетъ сохраняться роль инженера—руководителя надъ группой работниковъ, то она не будетъ качественно отличаться отъ роли этихъ работниковъ: «организаторъ» тогда дѣйствуетъ тѣми же методами, что «исполнители», только надъ болѣе широкимъ матерьяломъ техническихъ данныхъ. Типъ рабочей силы окажется одинъ, различны лишь степени ея развитія.

— *Какъ измѣняется форма сотрудничества въ зависимости отъ всего развитія рабочей силы, порождаемаго разными ступенями машинной техники?*

— Сотрудничество отъ разнородности шагъ за шагомъ переходитъ къ однородности.

Въ эпоху мануфактуръ капитализмъ довелъ спеціализацію до крайности. Работникъ превращался въ машину для отдѣльной, часто мельчайшей, трудовой операціи; все содержаніе труда сводилось для него къ нѣсколькимъ опредѣленнымъ движеніямъ, въ каждой спеціальности инымъ, особымъ. Что́ общаго, въ булавочной мануфактурѣ, между дѣйствіями работника, который тянетъ проволоку, и дѣйствіями другого, который ее перерѣзываетъ? Здѣсь разнородность труда полная, не меньше или даже больше, чѣмъ между разными ремесленниками.—И рядомъ съ этимъ—цѣлая пропасть между работою такихъ машинообразныхъ исполнителей и руководящихъ ими организаторовъ, функція которыхъ всецѣло «духовная».

Машинное производство прогрессивно ослабляетъ эту разнородность по обѣимъ линіямъ. Спеціализація, собственно, остается: отрасли производства не смѣшиваются между собой, и въ каждой имѣются разныя техническія операціи, выполняемыя съ помощью разныхъ машинъ. Но все возрастающая доля

разнородности работъ переносится съ людей на машины. Содержаніе труда работниковъ даже при весьма несходныхъ машинахъ становится сходнымъ въ главной и наибольшей своей части: функціяхъ надзора за машиною, контроля, регулированія, соображенія. А движенія рукъ составляютъ все менѣе важную и значительную сторону этой работы, хотя она и называется по-прежнему «физической». Такая тенденція къ однородности рабочей силы уже теперь весьма сильна, особенно въ передовыхъ отрасляхъ производства.

Уменьшается, затѣмъ, хотя и болѣе медленно, степень другой разнородности—труда «умственнаго» и труда «простого», т.-е., научно-организаторскаго и исполнительскаго. Мы видѣли, что исполнительская роль при машинѣ принимаетъ черты организаторской; въ ней выступаютъ на первый планъ усилія характера «интеллектуальнаго» или «духовнаго», и возрастающая степень технической сознательности и общей интеллигентности работника становится основнымъ ея условіемъ. Дальнѣйшія же стадіи машинной техники—стадія автоматизма и затѣмъ автоматическаго регулированія машинъ, повышая дальше и дальше уровень «простой» рабочей силы, ведутъ, и въ концѣ концовъ должны привести ее къ настоящей однородности съ рабочею силой научно-организаторской, «инженерской».

Однородное, на сознательности основанное сотрудничество обозначается, какъ «товарищеское». Машинное производство широко развиваетъ его въ рабочей средѣ; но на ряду съ нимъ, или, вѣрнѣе, н а д ъ нимъ остается и сотрудничество авторитарное, власть научно-организаторская. Благодаря этому, товарищеское сотрудничество въ непосредственномъ рабочемъ процессѣ теперь еще не получаетъ законченной формы, своего полнаго значенія.

— *Какъ слѣдуетъ представлять эту законченную форму?*

— Она отличается тѣмъ, что въ товарищескомъ коллективѣ всѣ дѣла р ѣ ш а ю т с я с о о б щ а, и с о о б щ а, насколько это надо, в ы п о л н я ю т с я. На современной фабрикѣ организаторы работъ не принадлежатъ къ товарищескому коллективу, и основныя рѣшенія въ дѣлахъ производства принимаются безъ рабочихъ, роль которыхъ тутъ сводится къ подчиненію; они образуютъ товарищескій коллективъ и с п о л н и т е л е й. Это—вынужденное ограниченіе, которое можетъ быть устранено лишь измѣненіемъ всего строя экономическихъ отношеній, и притомъ съ поднятіемъ рабочей силы на высшій уровень, когда и организаторы войдутъ въ товарищескій коллективъ, какъ сотрудники, превосходящіе другихъ лишь по с т е п е н и, а не по т и п у развитія.

— *Всегда ли и всюду рабочій коллективъ при капитализмѣ остается только коллективомъ исполнителей?*

— Нѣтъ. Въ области классовой борьбы рабочіе являются, конечно, самостоятельной стороною. Тамъ у нихъ складывается

организація тоже товарищеская, потому что къ этой формѣ сотрудничества ихъ пріучилъ процессъ производства; и тамъ имъ приходится не только исполнять, но и самимъ рѣшать, такъ что вырабатывается уже теперь болѣе полная связь товарищества. Однако, надо имѣть въ виду, что вырабатывается она все-же не сразу. На первыхъ ступеняхъ классовой организаціи сильно сказываются привычки пассивнаго подчиненія, въ видѣ слабости иниціативы массовыхъ членовъ организаціи, недостаточнаго контроля надъ выборными товарищами-руководителями, слѣпого слѣдованія за отдѣльными выдвинувшимися вождями, и т. под. Самыя условія классовой борьбы примѣшиваютъ къ дисциплинѣ товарищеской элементы дисциплины авторитарной: необходимость централизованнаго единства дѣйствій и быстроты въ рѣшеніяхъ часто заставляютъ всѣхъ подчиняться указаніямъ немногихъ, безъ критики и обсужденія, по довѣрію къ ихъ компетентности.

Но по мѣрѣ повышенія сознательности рабочей силы, эти остатки авторитарныхъ отношеній въ рабочемъ классѣ частью отпадаютъ, частью же, сохраняясь лишь въ предѣлахъ необходимости, перестаютъ опредѣлять собою духовный складъ пролетаріата, способы его мышленія.

— *Насколько широкіе коллективы создаются товарищескимъ сотрудничествомъ?*

— Непосредственное объединеніе—въ одномъ предпріятіи—съ ростомъ концентраціи капитала доходитъ уже теперь часто до тысячъ, иногда до десятковъ тысячъ людей. Но рамки коллектива отнюдь не сводятся къ отдѣльному предпріятію.

Рабочая сила при капитализмѣ становится подвижной, человѣческій матеріалъ предпріятій текучимъ. Рабочій рынокъ то съуживается, выбрасывая изъ фабрикъ и заводовъ тысячи ненужныхъ ему рукъ, то расширяется, поглощая тѣ же и другія тысячи. Классовая борьба съ ея стачками и локаутами порождаетъ такія же перемѣщенія. Человѣкъ работаетъ сегодня съ одними, завтра съ другими товарищами, часто даже вчера въ одной, завтра въ другой трудовой спеціальности: однородность работъ, развиваемая машиннымъ производствомъ, позволяетъ переходить отъ одного дѣла къ другому послѣ обученія, во много разъ болѣе короткаго, чѣмъ это было раньше, когда ученичество въ ремеслѣ продолжалось по нѣсколько лѣтъ.

При такой подвижности труда, каждый рабочій становится возможнымъ сотрудникомъ для каждаго другого. Классовая борьба дополняетъ эту связь и закрѣпляетъ ее, на дѣлѣ обнаруживая общность экономическаго положенія всѣхъ работниковъ, общность ихъ интересовъ. Коллективъ расширяется до предѣловъ рабочаго класса, разрывая не только границы техническихъ спеціальностей и отраслей, но даже границы націй и государствъ: въ предѣлахъ одного класса, онъ стремится стать міровымъ.

Этотъ характеръ рабочаго коллектива намѣтился уже давно. Но степень его организованности въ различныхъ частяхъ весьма различна, и въ его цѣломъ пока еще слаба. Съ прогрессомъ жизни она непрерывно возрастаетъ: техническія и экономическія силы капитализма неуклонно формируютъ міровой товарищескій коллективъ.

b) О б щ і я ч е р т ы и д е о л о г і й к о л л е к т и в и з м а.

— *Какія черты мышленія необходимо вытекаютъ изъ выясненныхъ нами техническихъ и экономическихъ условій?*

— Вытекаетъ рядъ т е н д е н ц і й м ы ш л е н і я, изъ которыхъ основными можно считать слѣдующія:

1) Р а з р у ш е н і е и л л ю з і й и н д и в и д у а л и з м а: тамъ, гдѣ буржуазное сознаніе ставило личность, какъ самостоятельный центръ интересовъ, стремленій, познанія, дѣйствія,—новое сознаніе пріучается ставить группу, организацію, классъ, вообще к о л л е к т и в ъ. Это—коренная перемѣна точки зрѣнія.

2) Р а з р у ш е н і е о т в л е ч е н н а г о ф е т и ш и з м а, который, какъ мы знаемъ, необходимо связанъ съ индивидуализмомъ, какъ его дополненіе. Отвлеченный фетишизмъ силы общественныя принимаетъ за независимыя отъ людей, напр., стоимость, которая есть соціально-трудовое отношеніе—за свойство товара, нравственный долгъ, который есть соціально-организаціонная форма—за абсолютный, надъ-міровой законъ, и т. п. Новое сознаніе раскрываетъ одинъ за другимъ всѣ подобные фетиши, находитъ ихъ дѣйствительный, соціальный смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ только историческое, преходящее значеніе.

3) Р а з р у ш е н і е о с т а т к о в ъ ф е т и ш и з м а а в т о р и т а р н а г о. Мы видѣли, что буржуазное сознаніе не можетъ покончить съ ними, потому что буржуазный міръ не можетъ, по своей коренной неорганизованности, обойтись безъ авторитарнаго способа организаціи. Товарищеское сотрудничество само имѣетъ о р г а н и з о в а н н ы й характеръ; въ немъ организаторская и исполнительская функція н е р а з ъ е д и н я ю т с я, воплощаясь въ отдѣльныхъ личностяхъ, а с б л и ж а ю т с я и стремятся къ сліянію въ коллективѣ. Поэтому оно противоположно и враждебно авторитаризму, и въ практикѣ, и въ мышленіи.

4) Р а з р у ш е н і е о с т а т к о в ъ с т а т и к и. Въ буржуазномъ обществѣ она сохраняется по своей неразрывной связи съ авторитарными элементами, особенно—религіозными. Въ эпоху упадка буржуазныхъ классовъ она усиливается,—какъ усиливаются въ нихъ и авторитарныя стремленія. Задачей этихъ классовъ становится у д е р ж а н і е стараго строя, о с т а н о в к а движенія, ведущаго къ новому. Понятно, что въ ихъ

мышленіи объ обществѣ, о соціальныхъ вопросахъ, идея неподвижнаго, неизмѣннаго, т.-е. статика, находитъ вновь себѣ мѣсто. Ихъ мышленіе перестраивается сообразно желаніямъ, стараются доказать, что внутри-общественная борьба, классы, подчиненіе и т. д.—вѣчны, неизмѣнно необходимы, что безъ нихъ невозможенъ прогрессъ жизни, и т. под. Для новаго коллектива задачей является какъ разъ наиболѣе глубокое и полное измѣненіе общественныхъ формъ; понятно, что тутъ для представленія о неизмѣнномъ и вѣчномъ никакой почвы не оказывается.

— *До конца ли идетъ развитіе этихъ общихъ тенденцій въ классовой идеологіи пролетаріата при капитализмѣ?*

— Нѣтъ. Въ капитализмѣ есть много условій, стѣсняющихъ и задерживающихъ идеологическое развитіе рабочаго класса. Поэтому въ его мышленіи сохраняется и теперь много элементовъ старыхъ культуръ, индивидуалистической и авторитарной; и полнаго ихъ исчезновенія, при отсутствіи м а т е р і а л ь н о й свободы культурнаго прогресса для пролетаріата, ожидать нельзя. Въ предѣлахъ же капитализма матеріальная свобода неосуществима: ее исключаютъ нужда, необезпеченность, принудительно-долгій рабочій день, невозможность выбора работы по призванію, и т. под.

Рабочій классъ происходитъ изъ мелкой буржуазіи, крестьянской и ремесленной, и на первыхъ порахъ вноситъ весь ея прежній духовный складъ въ свою новую жизнь. Затѣмъ онъ подвергается сильному культурному вліянію крупной буржуазіи и буржуазной интеллигенціи, которыя руководятъ имъ въ производствѣ; подчиняясь ихъ авторитету, рабочій классъ невольно усваиваетъ во многомъ ихъ взгляды, ихъ точку зрѣнія. Особенно сильно сказалось это на пролетаріатѣ Англіи, который всего дольше находился подъ воспитательнымъ дѣйствіемъ буржуазной культуры: Англія пережила мануфактурный періодъ—больше двухъ вѣковъ, тогда какъ другія страны переживали его гораздо короче, либо совсѣмъ миновали, выступивъ много позже на путь капитализма, когда уже была выработана техника машиннаго производства; а въ теченіе мануфактурнаго періода, классовой организаціи пролетаріата не существовало. И несмотря на экономически-передовое положеніе Англіи въ мірѣ, несмотря на высокій уровень общей интеллигентности англійскаго рабочаго и огромную энергію, обнаруженную имъ, за послѣднее столѣтіе, въ классовой борьбѣ, его культурная жизнь заключаетъ въ себѣ массу остатковъ индивидуализма и авторитаризма, которые теперь устраняются съ огромнымъ трудомъ и колебаніями. Тамъ высоко стоитъ до сихъ поръ религіозность, въ правовомъ сознаніи сильны еще идеи буржуазнаго либерализма, въ нравственномъ—мѣщанскіе идеалы, особенно по отношенію къ семьѣ, къ подчиненію жены и дѣтей, нерушимой святости брака, и т. под. Въ профессіо-

нальныхъ организаціяхъ—трэдъ-юніонахъ—самое объединеніе большей частью еще понимается, какъ союзъ личностей, совмѣстными дѣйствіями осуществляющихъ свои личные интересы; это пониманіе—вполнѣ индивидуалистическое, оно свойственно союзамъ мелкобуржуазнымъ и буржуазнымъ (старые цехи; крестьянско-мѣщанскія потребительныя, ссудо-сберегательныя общества; акціонерныя компаніи, синдикаты, трёсты). Для новаго сознанія цѣль организаціи—развитіе жизни и силъ цѣлаго, коллектива, а не личностей, какъ отдѣльныхъ, независимыхъ единицъ.

Такая же своеобразная отсталость, при высокой культурности, характеризуетъ и пролетаріатъ американскій, по своему происхожденію—вѣтвь англійскаго. Обычно, отсталость эта приписывается сравнительному благосостоянію того и другого за прошлое столѣтіе. Но благопріятныя условія труда сами по себѣ не порождаютъ идеологической отсталости,—они могутъ только способствовать ея поддержанію, когда она есть; иначе вся борьба пролетаріата за заработную плату, рабочій день и пр. вела бы къ замедленію и остановкѣ его идеологическаго развитія. Ухудшеніе условій труда въ Англіи и въ Америкѣ дало толчокъ ихъ движенію въ сторону коллективизма, но не потому, чтобы само въ себѣ заключало коллективизмъ, а потому, что разрушительно подѣйствовало на привычныя индивидуалистическія и религіозныя иллюзіи.

Пролетаріатъ другихъ странъ, будучи по уровню жизни и по степени интеллигентности большей частью ниже англійскаго и американскаго, долженъ больше ихъ учиться, но въ меньшихъ размѣрахъ переучиваться. Во всякомъ случаѣ, теперь во всѣхъ капиталистическихъ странахъ процессъ выработки формъ новаго сознанія, разрушенія стараго идетъ среди рабочаго класса быстро и интенсивно. Но переходъ отъ одной культуры къ другой, иной по самому типу, есть гигантская перестройка; онъ вполнѣ намѣтился и опредѣлился среди господствующаго смѣшенія ихъ элементовъ,—но завершится онъ лишь тогда, когда всѣ необходимыя для него силы будутъ экономически-освобождены.

— *Если основа индивидуализма есть рынокъ съ его борьбою то какъ можетъ освобождаться отъ индивидуализма пролетарское сознаніе, когда пролетарій связанъ съ рынкомъ и какъ продавецъ рабочей силы, и какъ покупатель товаровъ? И если основа авторитаризма лежитъ во власти-подчиненіи, то не долженъ ли онъ нерушимо поддерживаться тѣмъ, что весь трудъ работника проходитъ въ подчиненіи власти предпринимателя и его служащихъ?*

— Рабочій и остается индивидуалистомъ, пока онъ на рынкѣ выступаетъ индивидуально, какъ всякій обыкновенный продавецъ-покупатель въ мѣновомъ обществѣ. Но на почвѣ трудового объединенія и классовой борьбы происходитъ пре-

вращеніе главнаго для рабочихъ мѣнового акта—продажи рабочей силы—въ новую форму: переходъ отъ индивидуальнаго къ коллективному договору съ капиталистами, результатъ стачечнаго движенія, и затѣмъ профессіональной организаціи рабочихъ. Въ коллективномъ договорѣ о наймѣ рабочій, въ дѣйствительности, не индивидуальный мелкій продавецъ своего товара—трудовой силы, а членъ борющагося коллектива, и рынокъ уже не можетъ больше развивать въ немъ иллюзій индивидуализма.

Какъ покупатель жизненныхъ средствъ, рабочій и тогда еще можетъ подвергаться вліянію рынка. Но это, частичное, вліяніе, въ свою очередь, подрывается организаціоннымъ процессомъ; воспитываясь на единеніи, общей борьбѣ, коллективномъ договорѣ, пролетарій стремится и какъ покупатель дѣйствовать сообща: развивается организація «потребительныхъ обществъ», т. наз. кооперативное движеніе.

Такимъ образомъ, профессіональная и кооперативная организація не только экономически выгодны рабочему классу въ отстаиваньи его матеріальныхъ интересовъ: онѣ имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ огромное идеологически-воспитательное значеніе, освобождая его отъ индивидуальной борьбы рынка, порождающей иллюзіи буржуазнаго сознанія.

Что касается связи подчиненія между рабочимъ и тѣмъ, кому онъ подвластенъ въ производствѣ, то она, конечно, воспитывала въ немъ авторитарное мышленіе, пока онъ просто принималъ ее, какъ нѣчто естественное и необходимое, пока отношенія на фабрикѣ были, какъ принято говорить, «патріархальными». Но когда рабочіе борются противъ этихъ отношеній, когда ихъ подчиненіе практически выступаетъ, какъ вынужденное, и власть, надъ нимъ стоящая, какъ другой лагерь, тогда авторитарная связь теряетъ свою силу надъ ихъ мышленіемъ, потому что теряетъ характеръ живой связи, настоящаго сотрудничества: то, противъ чего люди борются, воспитательнаго вліянія уже имѣть не можетъ. Скорѣе даже напротивъ: вынужденность подчиненія подрываетъ авторитарный духъ. Такъ когда-то въ буржуазіи власть феодальнаго сословія, противъ которой она боролась, только обостряла духъ индивидуализма, жажду освобожденія личности. Для пролетаріата результатъ тотъ же, съ той разницей, что, вмѣсто индивидуализма буржуазіи, противъ авторитарности поднимается коллективизмъ, жажда освобожденія классового и съ нимъ общечеловѣческаго.

c) Трудовая причинность.

— *Что такое «трудовая причинность»?*

— Это—новое пониманіе причинной связи, развивающееся

на основѣ машиннаго производства и порождаемой имъ высшей формы сотрудничества.

— *Почему должно на этой основѣ возникнуть новое пониманіе причинности, и не можетъ удержаться старов, свойственное мѣновому обществу,—идея «причинности—необходимости»?*

— Потому что «причинность—необходимость» произошла изъ «экономической необходимости» мѣнового общества, выражающей власть общественныхъ отношеній надъ людьми. А власть эта зависитъ отъ неорганизованности сотрудничества въ его цѣломъ, отъ «анархіи производства». Коллективизмъ же означаетъ развитіе организованнаго сотрудничества въ цѣломъ общественномъ классѣ, и борьбу этого класса противъ анархіи производства. Такимъ образомъ, хотя рабочій практически отнюдь еще не освободился изъ-подъ господства экономической необходимости, но основы ея вліянія на его мышленіе подрываются: противъ стихійныхъ силъ рынка и капитализма стоитъ уже не безсильный индивидуумъ, а организующійся классовый коллективъ, который не только подчиняется имъ, но и реально борется съ ними. Возникшая изъ ихъ власти надъ человѣкомъ идея отвлеченной причинности съ этого времени, естественно, неспособна удовлетворять новаго сознанія, и оно вырабатываетъ иной способъ пониманія всеобщей связи явленій.

— *Откуда берется новый типъ причинности, и въ чемъ онъ заключается?*

— Онъ берется изъ процесса производства. Въ своей основѣ это не что иное, какъ выраженіе самаго общаго метода машинной техники.

Машинное производство, по существу, сводится къ систематическому и планомѣрному превращенію силъ или, выражаясь научнѣе, превращенію энергіи. Такъ, химическое сродство угля и кислорода воздуха въ топкѣ переходитъ въ теплоту пламени; эта теплота въ паровомъ котлѣ—въ давленіе пара; оно, въ цилиндрахъ, становится движеніемъ поршня, затѣмъ махового колеса, ременныхъ приводовъ, станковъ; движеніе станковъ превращается въ различныя измѣненія рабочаго матеріала, дающія опредѣленный продуктъ. Но такія же движенія станковъ могутъ быть получены отъ работы электричества, получающаго энергію изъ динамо-машины, въ свою очередь ее черпающей, напр., изъ силы теченія запруженной рѣки, или отведенной воды водопада. И эта энергія можетъ быть, при случаѣ, замѣнена силой вѣтра, а въ малыхъ размѣрахъ—силой лошади, даже человѣка. Вмѣсто такого-то движенія станковъ можно, изъ тѣхъ же источниковъ, но при другомъ механизмѣ, получать иное, приводящее къ другимъ продуктамъ,—или производить свѣтъ, или химическую энергію, и т. д.

Что это значитъ? Что для трудового коллектива всякій процессъ природы можетъ служить источ-

никомъ для полученія всякихъ другихъ процессовъ. Усиліе работника тоже входитъ сюда; оно иногда замѣщаетъ другіе источники энергіи, еще чаще само замѣщается ими. Случается, что при порчѣ машины работникъ принужденъ временно выполнять то, что дѣлалось ею; несравненно чаще, на каждомъ шагу, происходитъ и обратное—машина замѣняетъ и вытѣсняетъ работника. Опытъ и наука показываютъ, что такія превращенія и замѣщенія, при подходящихъ механизмахъ, могутъ дѣлаться неограниченно: всякое явленіе природы—возможный источникъ всякаго другого явленія.

Такова практическая связь фактовъ для трудового коллектива во всей его жизни, въ каждую минуту, въ каждую секунду его дѣятельности. Понятно, что она и становится моделью для его мышленія, его способомъ пониманія причинности. Причина есть источникъ энергіи, за счетъ котораго получается слѣдствіе. Но сама она имѣетъ другую причину, т.-е., ея энергія происходитъ, въ свою очередь, изъ другого источника, и т. д., безъ конца: цѣпь причинности есть цѣпь превращеній энергіи.

Чтобы имѣть техническій источникъ энергіи для своихъ цѣлей, трудовой коллективъ долженъ гдѣ-нибудь его взять, но не можетъ просто создать: энергія, слѣдовательно, не создается въ трудовомъ опытѣ. Если трудъ наталкивается на враждебную, нежелательно для него направленную энергію, онъ можетъ преобразовать ее въ формы полезныя или безвредныя, но не можетъ просто уничтожить ее: энергія не уничтожается въ трудовомъ опытѣ. Но если такъ, то ея, очевидно, ровно столько же въ причинѣ, сколько въ слѣдствіи: причина равна своему слѣдствію. Вѣрнѣе сказать: причина равна суммѣ своихъ прямыхъ слѣдствій, потому что на дѣлѣ она переходитъ всегда не въ одну, а въ нѣсколько разныхъ формъ. Въ машинномъ производствѣ трудъ эксплоатируетъ энергію природы; но ему никогда не удается использовать взятый источникъ до конца. Энергія пламени идетъ не вся на образованіе пара, но частью на безполезное нагрѣваніе окружающихъ предметовъ; давленіе пара не все на полезное движеніе механизма, но частью на вредное треніе его частей, и т. п. Энергія источника переходитъ во всю сумму полезныхъ и вредныхъ результатовъ.

Конечно, эти результаты одни полезны, другіе вредны только въ данномъ случаѣ, а не сами по себѣ. Давленіе пара полезно при работѣ, вредно при взрывѣ котла; треніе вредно въ движеніяхъ поршня, но полезно въ безконечномъ ремнѣ передачи. А съ общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія трудового коллектива въ его цѣломъ, во всей его практикѣ, они не полезны и не вредны, а просто—формы энергіи, съ которыми коллективъ имѣетъ дѣло. Поэтому въ трудовой причинности причина просто равна суммѣ своихъ слѣдствій, взя-

тыхъ вмѣстѣ, безъ различія полезныхъ и безполезныхъ или вредныхъ.

— *Не есть ли эта новая «трудовая причинность»—обыкновенный «законъ сохраненія и превращеній энергіи», какимъ его выработала буржуазная наука?*

— Законъ сохраненія энергіи, въ томъ видѣ, какъ его даетъ нынѣшняя физика и философія, есть, дѣйствительно, н а ч а л о, или зародышъ, новаго пониманія причинности. И это вполнѣ естественно: какъ мы уже знаемъ, онъ и возникъ на основѣ машиннаго производства. Но все же это не есть сама новая, коллективистическая, форма причинности. Дѣло въ томъ, что господствующая теперь наука подчинена законамъ идеологіи мѣнового общества, и сообразно имъ мыслитъ объ «энергіи».

Нынѣшніе ученые, въ огромномъ большинствѣ, понимаютъ «энергію» вовсе не такъ, какъ мы изложили съ точки зрѣнія трудового коллектива: для нихъ эта идея н е з а в и с и т ъ отъ человѣческаго труда. Они установили такую связь, что, напр., химическая энергія одного фунта угля, при его сгораніи, переходитъ во столько-то единицъ, которыми измѣряется энергія тепловая. Но что именно есть эта энергія, явившаяся въ двухъ разныхъ воплощеніяхъ? Тутъ они думаютъ разно. Одни полагаютъ, что энергія — дѣйствительная вещь или «сущность», которая заключается въ явленіяхъ, или изъ которой они состоятъ: помимо насъ, «сама по себѣ», всегда, «вѣчно» она была и будетъ въ нихъ, въ п р и р о д ѣ. Можетъ ли новое сознаніе принять это? Отнюдь нѣтъ. Для него объ «энергіи» не можетъ быть и рѣчи, если нѣтъ того, кто ее и с п о л ь з у е т ъ, или с т р е м и т с я и с п о л ь з о в а т ь, т.-е., трудового коллектива. Если даже мы наблюдаемъ, что одно явленіе постоянно переходитъ въ другое, какъ, напр., день въ ночь, или зимній холодъ въ весеннее тепло,—но если при этомъ нѣтъ идеи о возможности технически-планомѣрно получать второе явленіе изъ перваго, то не возникаетъ даже вопроса объ энергіи, о томъ, что энергія дневного свѣта переходитъ въ энергію ночного мрака, и т. п.

Другіе полагаютъ, напротивъ, что въ природѣ никакой энергіи нѣтъ, а существуетъ она только в ъ м ы ш л е н ь и: что она лишь «символъ» или «знакъ», придуманный и условно примѣняемый людьми для обозначенія связи фактовъ. И этого тоже новое сознаніе допустить не можетъ. Для него это вовсе не символъ, который придуманъ нѣсколькими учеными, а дѣйствительныя силы труда и дѣйствительныя сопротивленія, съ которыми онъ уже имѣетъ или можетъ имѣть дѣло. Въ «энергіи» подразумѣвается настоящая борьба съ природою, реальныя столкновенія,—которыя были или будутъ,—съ ея силами, а не простое придумываньe «символовъ» или знаковъ.

Оба старыхъ пониманія энергіи,—а также и разныя промежуточныя между ними, существующія среди ученыхъ,—неправильны, потому что о т о р в а н ы отъ своей живой, обще-

ственно-трудовой основы, лишены своего истиннаго содержанія, какъ это всегда дѣлаетъ отвлеченный фетишизмъ. «Энергія» выражаетъ практическое отношеніе общества къ природѣ, и въ этомъ ея смыслъ. Напр., пусть найдено, что морской приливъ представляетъ такое-то количество механической энергіи, фунтъ нефти такое-то количество химической энергіи. Объективно, это значитъ, что если бы производство полностью овладѣло тѣмъ или этимъ явленіемъ, и до конца могло его съэксплоатировать въ своихъ цѣляхъ, то за счетъ его преодолѣло бы такую-то, опредѣленную сумму сопротивленій природы.

Въ новой причинности, такимъ образомъ, заключается идеалъ коллективно-трудового господства надъ природою. Проникая въ мышленіе массъ, и укрѣпляясь въ немъ, она шагъ за шагомъ преобразуетъ его по всей линіи, организуетъ его въ новый типъ.

d) Тенденціи развитія науки.

— *Какая область науки раньше всего подверглась преобразующему дѣйствію коллективизма?*

— Науки общественныя. Уже болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ великій мыслитель Марксъ, сознательно ставшій на точку зрѣнія пролетаріата, далъ методы и основы коллективистической переработки исторіи, политической экономіи, частью также и науки о мышленьи. Съ тѣхъ поръ эта переработка продолжается.

— *Въ чемъ состояла сущность переработки?*

— Раньше исторія человѣчества понималась либо въ духѣ авторитарнаго, либо въ духѣ отвлеченнаго фетишизма. Одни видѣли въ ней исторію царей, героевъ, геніевъ, вообще авторитетовъ и властителей, ихъ подвиговъ и дѣяній, опредѣлявшихъ, будто-бы, судьбу міра. Другіе полагали, что сущность ея въ развитіи идей—знаній или нравственныхъ принциповъ, при чемъ думали, что развитіе это идетъ само собою, по своимъ законамъ,—а идеи, управляя людьми, заставляютъ ихъ дѣйствовать такъ или иначе, и отъ этого зависятъ историческія событія.

Марксъ показалъ, что всѣ подобные взгляды наивны или поверхностны, не охватываютъ дѣйствительности. Исторія человѣчества—это, прежде всего, развитіе производственнаго процесса, борьбы между обществомъ и природою. Въ процессѣ производства вырабатываются и складываются экономическія отношенія людей, а въ зависимости отъ нихъ и идеи. Люди—властители или подвластные, герои или массы—живутъ и дѣйствуютъ, подчиняясь силѣ тѣхъ способовъ производства и тѣхъ экономическихъ связей, которые ихъ окружаютъ, въ которыхъ они воспитываются; идеи, руководящія

людьми, только отражаютъ эти же способы производства и экономическія связи. Общественный трудъ, въ его движеніи, въ смѣнѣ его формъ,—основа исторіи.

Въ старой политической экономіи Марксъ разоблачилъ ея мѣновой фетишизмъ и ея буржуазно-классовый характеръ. Марксъ показалъ, что мѣновая стоимость, которую прежняя наука, слѣдуя обыденному мышленію товаропроизводителей, считала свойствомъ товара, есть на самомъ дѣлѣ кристаллизованный общественный трудъ; капиталъ же, который эта наука смѣшивала со средствами производства, есть общественное отношеніе, а именно—власть собственника средствъ производства надъ не имѣющими ихъ рабочими. Исходя изъ такихъ идей, удалось объяснить многое, раньше непонятное въ экономической жизни, и опредѣлить основное направленіе, по которому движется капиталистическая система, раскрыть ея тенденціи, намѣчающія неизбѣжный переходъ въ коллективизмъ.

Разоблачая мѣновой фетишизмъ, Марксъ о б ъ я с н и л ъ его: установилъ его происхожденіе изъ мѣновой организаціи, его историческую необходимость, его о б ъ е к т и в н о с т ь, т.-е., общественную пригодность и обязательность, при товарномъ производствѣ,—но также его коренную ошибочность, «иллюзорность», съ точки зрѣнія иныхъ, высшихъ, нарождающихся отношеній—коллективизма. Тѣмъ самымъ было положено начало научному изслѣдованію способовъ мышленія, ихъ объясненію черезъ способы производства,—той идеологической наукѣ, которую мы здѣсь изучаемъ.

— *Почему общественныя науки, наиболѣе молодыя, наименѣе развитыя изо всѣхъ, первыми подверглись переработкѣ въ духѣ коллективизма?*

— Потому что именно въ нихъ такая переработка была наиболѣе нужна. Предметъ этихъ наукъ—о р г а н и з а ц і я л ю д е й; и понятно, что въ томъ видѣ, какъ онѣ были выработаны старыми классами, индивидуалистическими, онѣ не могли служить для организаціи новаго класса—коллективистическаго.

— *Слѣдуетъ ли ожидать, что и другія науки—естественныя, математическія—испытаютъ подобное преобразованіе?*

— Несомнѣнно, да. Весь матеріалъ этихъ наукъ при новыхъ способахъ мышленія долженъ выступить въ иномъ свѣтѣ, и въ иной связи. Устраненіе отвлеченнаго фитишизма неизбѣжно измѣнитъ многое, прежде всего—въ основномъ ихъ пониманіи. Попутно, мы уже видѣли это. Астрономія — чистая истина о небесныхъ тѣлахъ, и астрономія—ученіе о способахъ точной оріентировки человѣческаго труда въ пространствѣ и во времени—не одно и то же. Формулы законовъ могутъ остаться тѣ же, пока не явится новаго матеріала данныхъ и наблюденій; но изложеніе, группировка содержанія, объясненіе методовъ, разграниченіе болѣе важнаго и менѣе важнаго измѣнятся, разъ

только астрономическіе факты будутъ разсматриваться не какъ «абсолютные», не оторванно отъ общественно-трудовой практики, а въ живомъ соотношеніи съ нею. То же относится и ко всякой другой наукѣ.

— *Но полезно ли такое преобразованіе? Развѣ не стремленіе къ чистой истинѣ привело къ величайшимъ научнымъ открытіямъ, имѣвшимъ и огромное практическое значеніе? И напротивъ, смѣшеніе вопроса объ истинѣ съ практическими задачами не должно ли ослабить глубину и энергію познанія, отнимая у него безкорыстный, идеальный характеръ?*

— Стремленіе къ истинѣ не можетъ стать ни слабѣе, ни менѣе безкорыстнымъ отъ того, что человѣкъ будетъ знать, что такое въ дѣйствительности она есть; оно только получаетъ иную, высшую форму.

Каждая система культуры развиваетъ свои, особенные мотивы идеальнаго стремленія къ истинѣ. Пророкъ феодальной эпохи искалъ истины с в я т о й: въ своихъ усиліяхъ постигнуть ее, чтобы возвѣстить людямъ,—прислушиваясь къ внутреннему голосу своей души и къ стихійнымъ голосамъ природы, онъ находилъ ее, какъ о т к р о в е н і е б о ж е с т в а, и этимъ она была дорога ему, священна для него; ему была бы непонятна жажда чистой, голой, отвлеченной истины, которая говоритъ только то, что есть, и не болѣе, и говоритъ сама по себѣ, а не отъ высшаго авторитета.—Напротивъ, при отвлеченномъ фетишизмѣ мѣновыхъ организацій и культуръ, наибольшій энтузіазмъ, самое пламенное влеченіе ученыхъ и мыслителей вызываетъ идея истины абсолютной, «самой по себѣ»; для этихъ непонятна жажда авторитетнаго откровенія свыше; но такъ же имъ чуждо стремленіе къ истинѣ, какъ живому продукту коллективно-трудового опыта и орудію общества въ борьбѣ съ природой.—Для коллективиста же, который проникнутъ инстинктомъ сотрудничества, чувствомъ своей связи съ борющимся человѣчествомъ,—пустой и безжизненной, поэтому и неинтересной казалась бы истина «сама по себѣ», отрѣшенная отъ жизни; но ему близка и дорога истина, какъ выраженіе прежнихъ усилій коллектива и орудіе новыхъ его побѣдъ.

Новый типъ истины не есть ея «смѣшеніе» съ практическими задачами, а ея в о з в р а щ е н і е къ единству съ практической жизнью, отъ которой она въ эпоху индивидуализма и спеціализаціи оторвалась.

— *Не будетъ ли новое познаніе много сложнѣе, чѣмъ прежнее?*

— Всякая высшая форма сложнѣе низшей, потому что заключаетъ въ себѣ больше содержанія; но она можетъ быть и с т р о й н ѣ е низшей, болѣе совершенно организована. Безъ сомнѣнія, проще полагать, что стоимость есть стоимость, а трудъ есть трудъ, чѣмъ понять, что стоимость—кристаллизованный общественный трудъ; но въ первомъ случаѣ область обмѣна оторвана въ познаніи отъ области труда, и заключаетъ массу непонят

наго, во второмъ она—связана съ областью труда, и непонятное въ ней объясняется.—Вернувшись къ своему источнику, общественно-трудовой жизни, наука дѣлаетъ ее понятнѣе, и себя—вмѣстѣ съ нею.

Но здѣсь опять надо различать общественные типы людей. Какой-нибудь узкій спеціалистъ, далекій отъ соціально-практической жизни въ ея цѣломъ, не имѣющій о ней понятія, конечно, ничего не выиграетъ, а только проиграетъ, если его специальное познаніе будетъ поставлено въ связь и зависимость отъ этой незнакомой и чуждой ему области. Астроному, не выходящему почти изъ своей обсерваторіи, безполезно и утомительно думать о томъ, какъ его наука организуетъ все міровое производство, распредѣляя элементы труда по мѣрамъ времени и по положеніямъ въ пространствѣ. Но для человѣка труда и борьбы астрономія будетъ понятнѣе, какъ наука организаціонная, чѣмъ какъ «чистое» знаніе о вещахъ, почти безконечно отъ насъ далекихъ.

— *Сохранятъ ли коллективистическая наука прежнюю спеціализацію?*

— Она не уничтожаетъ спеціализаціи, но существенно измѣняетъ ея характеръ, подобно тому какъ въ производствѣ, мы видѣли, это дѣлаютъ высшія формы машинной техники. Уже въ старой наукѣ за послѣднее время происходитъ быстрое сближеніе научныхъ методовъ разныхъ областей, слiяніе раньше разрозненныхъ наукъ въ новыя, обширныя единства, какъ, напр., развитіе общей физики на основѣ цѣлаго ряда прежде обособленныхъ отраслей. Коллективизмъ долженъ, разумѣется, чрезвычайно усилить эту тенденцію. Если теперь она дѣйствуетъ безъ всякой планомѣрности, помимо всякаго систематическаго искания объединяющихъ разныя отрасли методовъ, какъ-бы стихійно пробиваясь черезъ царящую спеціализацію, то въ новомъ мышленіи это окажется иначе. Когда всѣ науки понимаются, какъ организаціонныя орудія единаго соціально-трудового процесса, который необходимо организовать стройно и цѣлостно, тогда вполнѣ сознательно ставится задача — свести эти орудія къ стройному и цѣлостному единству, задача выработки общихъ методовъ и точекъ зрѣнія, связывающихъ всѣ научныя спеціальности.

Трудно заранѣе судить о томъ, до какихъ предѣловъ эта задача будетъ разрѣшена еще при капитализмѣ, въ какой мѣрѣ ее должно будетъ завершать коллективистическое общество. Но т е н д е н ц і я вполнѣ ясна. Наука должна стать «монистической». Въ ней должна сложиться система общихъ пріемовъ, выводовъ, законовъ, руководящихъ всѣми ея областями. Въ каждой области они будутъ дополняться особыми, болѣе частными пріемами, выводами, законами; но общая ихъ основа будетъ, по мѣрѣ развитія, все значительнѣе преобладать надъ этой специальной ихъ стороной.

Тогда исчезнетъ замкнутость отдѣльныхъ отраслей, и не

реходъ отъ одной изъ нихъ къ другой станетъ настолько же возможнымъ и обычнымъ дѣломъ, какъ переходъ отъ одной спеціальности къ другой въ машинномъ производствѣ. Степень однородности труда въ сферѣ теоріи будетъ возрастать, какъ теперь она быстро возрастаетъ въ практикѣ.

Нельзя въ настоящее время представить конкретно науку будущаго, какъ нельзя конкретно представить и самый коллективистическій строй сколько-нибудь достовѣрнымъ образомъ. Но направленіе научнаго развитія, а съ нимъ основныя черты строенія монистической науки намѣтились уже теперь достаточно.

— *Какова должна оказаться при этомъ роль философіи?*

— Философія, какъ мы знаемъ, есть область попытокъ свести къ единству раздробленное познаніе. По мѣрѣ того, какъ наука будетъ становиться монистической, философія, очевидно, должна терять значеніе, частью—просто отпадать, какъ ненужная больше, частью—переходить въ содержаніе монистической науки. Послѣднее относится, конечно, по преимуществу къ той философіи, которая стоитъ на точкѣ зрѣнія коллективизма. Она развивается въ настоящее время, слѣдуя за коллективистическою наукой.

е) Тенденціи развитія искусства.

— *Что новаго вноситъ коллективизмъ въ искусство?*

— Прежде всего, разумѣется, новое пониманіе искусства, освобожденное отъ всякаго фетишизма,—сознаніе соціальной сущности, соціальнаго смысла искусства.

Далѣе, какъ новая культурная сила, коллективизмъ естественно ведетъ къ зарожденію и развитію новаго искусства; сначала классового—въ рамкахъ капитализма, затѣмъ общечеловѣческаго—по устраненіи классовъ. Въ этомъ новомъ искусствѣ центральной фигурой является уже не индивидуумъ, съ его личными интересами, личной активностью, личной судьбой,—а коллективъ, сначала классовой, въ его противопоставленіи враждебнымъ ему силамъ общества и стихій, потомъ—общечеловѣческій, въ его противопоставленіи природѣ.

— *При новомъ пониманіи искусства, должно ли быть отброшено и отвергнуто все старое искусство?*

— Отнюдь нѣтъ. Оно только иначе воспринимается, иначе освѣщается коллективистическимъ сознаніемъ. Каждая высшая культура получаетъ художественное наслѣдство отъ низшей, пользуется имъ, но по-своему.

Пусть художникъ феодальной эпохи изваялъ статую божества. Для него и его современниковъ это произведеніе имѣетъ религіозный смыслъ, воплощаетъ авторитарныя чувства и мысли, есть образъ высшей организующей силы. Но если эту статую найдутъ, напр., при раскопкахъ въ эпоху куль-

туры индивидуалистической, мѣновой, то она можетъ и здѣсь сохранить огромную цѣнность, какъ прекрасное художественное произведеніе, но въ совершенно иномъ, вовсе не религіозномъ значеніи: она будетъ для созерцающихъ ее образомъ чистой индивидуальной красоты, и мощи, или воплощеніемъ идей красоты и мощи. Но дойдя до эпохи коллективистическаго сознанія, она получитъ опять новый смыслъ: въ ней будутъ видѣть и чувствовать идеалъ жизни того коллектива—общины, племени, сословія,—который произвелъ ее черезъ своего художника, выраженіе вѣковой общности усилій, настроеній, вѣрованій этого коллектива.

Аналогичнымъ образомъ, читая какой-нибудь романъ, драму нашей эпохи, гдѣ изображаются личности въ ихъ внутренней борьбѣ и внѣшнихъ столкновеніяхъ, сознательный коллективистъ за этими личностями, за ихъ мотивами найдетъ общественный строй эпохи, борьбу соціальныхъ силъ, многообразно отражающихся и преломляющихся въ личныхъ характерахъ, въ какомъ-нибудь конфликтѣ долга и чувства—гнетъ вѣковой традиціи, отвлеченнаго фетишизма надъ ростомъ жизни, и т. п.

Создавая новое искусство, коллективизмъ преобразуетъ старое, и сдѣлаетъ его своимъ воспитательнымъ средствомъ, своимъ организаціоннымъ орудіемъ.

— *Возможно ли созданіе новаго искусства еще въ капиталистическую эпоху, при коллективизмѣ только одного класса? Не окажется ли непреодолимымъ препятствіемъ угнетенное положеніе этого класса, недостатокъ досуга и матеріальныхъ средствъ?*

— Безъ сомнѣнія, классъ жизненно стѣсненный не можетъ широко развернуть своего художественнаго творчества. Но, во-1), основа искусства не въ досугѣ, а въ особомъ строѣ чувствъ и мыслей, свойственномъ коллективу; строй же этотъ вырабатывается именно въ его трудѣ и борьбѣ, а не въ досугѣ. Поэтому народное художественное творчество существовало, и развивалось, въ классѣ еще болѣе угнетенномъ, чѣмъ пролетаріатъ,—въ старомъ крестьянствѣ.

Во-2), многомилліонный классъ, отвоевывая экономической борьбой полъ-часа, часъ досуга, получаетъ въ своей массѣ большее его количество, чѣмъ все свободное время какого-нибудь помѣщичьяго класса; и изъ милліоновъ часовъ коллектива, себя сознающаго, могутъ кристиллизоваться сотни и тысячи творческихъ часовъ живущихъ его жизнью единицъ. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы талантливый поэтъ или музыкантъ, выдвигающійся среди пролетаріата, оставался въ мастерской; гораздо выгоднѣе для коллектива, чтобы онъ отдался всецѣло своему дѣлу, какъ секретари и администраторы пролетарскихъ организацій, какъ ихъ публицисты, политики, ученые. Когда коллективизмъ достаточно сложится, какъ система мыслей и стремленій, тогда онъ, естественно, сможетъ овладѣть творче-

скими талантами даже не однихъ пролетаріевъ, но и людей изъ другихъ классовъ,—какъ выходили же изъ аристократіи буржуазные художники, какъ выходятъ уже пролетарскіе теоретики изъ буржуазной интеллигенціи.

Теперь существуютъ только зародыши новаго искусства; но они уже существуютъ. Ихъ развитіе должно могущественно содѣйствовать сплоченію коллектива, организаціи его силъ. Это значеніе не можетъ измѣряться количествомъ произведеній, которое, навѣрное, въ классовую эпоху не будетъ особенно велико. Значеніе измѣряется тѣмъ, насколько стройно и жизненно сумѣетъ себя выразить коллективъ черезъ своихъ представителей въ мірѣ искусства. Чѣмъ полнѣе и глубже будетъ это выраженіе, тѣмъ больше будетъ сила новаго художественнаго воспитанія массъ, которое позволитъ имъ овладѣть для себя и сокровищами стараго искусства, не подчиняясь его точкѣ зрѣнія, но открывая въ немъ свое.

f) Соціальныя нормы.

— *Вырабатываетъ ли коллективизмъ свои соціальныя нормы, подобныя нормамъ права и нравственности?*

— Да, вырабатываетъ, уже теперь: нормы товарищеской солидарности, подобныя, по значенію, нравственнымъ; уставы организацій, аналогичныя праву, законамъ.

— *Въ чемъ эти нормы отличаются отъ тѣхъ, которыя свойственны прежнимъ культурамъ?*

— Во-1), разумѣется, ихъ содержаніе иное, потому что онѣ организуютъ совершенно иную жизнь. Это очевидно само собою: «душа» новыхъ нормъ, ихъ принципъ есть товарищеская связь, принципъ, чуждый старымъ культурамъ, или знакомый имъ только въ зародышѣ, въ нѣкоторыхъ элементахъ морали организацій общинныхъ, цеховыхъ, дружинныхъ, и т. п.

Во-2), новая форма пониманія, свободная отъ фетишизма авторитарнаго и отвлеченнаго. Это—не велѣнія верховныхъ авторитетовъ, не завѣты предковъ или боговъ, какъ древній обычай; это также и не выраженіе «чистой справедливости» или «долга», абсолютнаго велѣнія индивидуальной совѣсти. Это—просто нормы единенія, сплоченія, организаціи.

— *Обладаютъ ли онѣ характеромъ принудительности?*

— Въ нынѣшней, классовой стадіи коллективизма—обладаютъ. Это—результатъ условій общественной борьбы, въ которой рабочій классъ живетъ. Нарушитель нормъ товарищеской солидарности выступаетъ, какъ представитель враждебной общественной силы; отсюда стремленіе активно бороться съ нимъ; оно выражается въ чувствѣ принудительности нормъ,—а въ самомъ нарушителѣ, напр., штрейкбрехерѣ, вызываетъ соот-

вѣтственное чувство отвращенія къ себѣ, отражающее ту же принудительность внутренно, субъективно.

— *Должна ли сохраниться эта принудительность при развитомъ, общественномъ коллективизмѣ?*

— Только до тѣхъ поръ, пока хотя отчасти и скрыто будетъ продолжаться внутренняя общественная борьба, остатки и отголоски борьбы классовой,—пока новыя поколѣнія не перевоспитаются вполнѣ въ духѣ коллективизма. А тогда, можно предвидѣть, она естественнымъ путемъ исчезнетъ,—потому что не будетъ для нея почвы. Соціальныя нормы будутъ пониматься просто какъ нормы о р г а н и з а ц і о н н о й цѣ л е с о о б р а з н о с т и, на подобіе техническихъ правилъ, которыя суть правила технической цѣлесообразности, или научныхъ положеній. Нарушители и тогда могутъ появляться; но они не будутъ представителями враждебныхъ общественныхъ силъ, а лишь уклоняющимися, ненормальными организмами, какъ душевнобольные, которые неспособны усвоить правилъ техники или науки. Можетъ потребоваться и насиліе по отношенію къ нимъ,—но безъ враждебности, каково и въ наше время насиліе по отношенію къ паціентамъ въ психіатрическихъ больницахъ.

Тогда соціальныя нормы потеряютъ свое послѣднее сходство съ правомъ и моралью.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы обрисовали идеологическія тенденціи коллективизма, насколько онѣ, съ одной стороны, ясно наблюдаются въ самой жизни, и насколько, съ другой стороны, можетъ мысленно продолжить ихъ путь предвидѣніе, пока еще слабое, нашей науки.

Наша наука сама—результатъ одной изъ этихъ тенденцій, научно-монистической. Она должна служить общей связью, организующимъ звеномъ, для цѣлаго ряда частныхъ, донынѣ разрозненныхъ отраслей: филологіи, логики, этики, теоріи права, теоріи искусства... И въ то же время мы видѣли, какъ она тѣсно соединяется съ наукой экономической.

Мы намѣтили только о с н о в н ы я тенденціи новой культуры, и тѣ не всѣ. Мы не говорили о тенденціяхъ с к о в а н н ы х ъ, т.-е., такихъ, проявленія которыхъ слишкомъ ужъ подавлены современными условіями, и потому слишкомъ слабы. Для иллюстраціи сейчасъ укажемъ на одну—въ развитіи р ѣ ч и.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что въ международномъ коллективизмѣ скрыта тенденція къ выработкѣ е д и н а г о я з ы к а ч е л о в ѣ ч е с т в а, какъ самой общей организующей формы для мірового сотрудничества. Но въ наше время эта тенденція стѣснена и замаскирована вліяніемъ б о р ь б ы н а ц і о н а л ь н о с т е й, которую усиленно поддерживаютъ и обостряютъ господствующіе классы. Къ этому ихъ побуждаетъ частью конкурренція капитала разныхъ странъ, націй и расъ, частью стремленіе направить растущую энергію низшихъ классовъ въ русло борьбы національной, в м ѣ с т о классовой.

Тѣмъ не менѣе, возможно уловить и теперь тенденцію къ единству языка—въ области т е х н и к и и н а у к и. Всякое новое изобрѣтеніе порождаетъ рядъ терминовъ, обозначающихъ части машинъ, ихъ функціи, отношенія къ нимъ работника; и большинство этихъ терминовъ переходитъ во всѣ языки съ ничтожными измѣненіями. То же наблюдается и въ терминологіи точныхъ наукъ, гдѣ новыя обозначенія принимаются большей частью безъ перевода съ одного языка на другой. Да и въ другихъ областяхъ возрастающая масса «иностранныхъ словъ» указываетъ на взаимное проникновеніе различныхъ языковъ.

На этой почвѣ возникли попытки выдумать и с к у с с т в е н н ы й международный языкъ—«волапюкъ», «эсперанто»,

и др. Это—интеллигентская утопія, основанная на полномъ непониманіи того, что есть рѣчь. Она—основная организующая форма для всего трудового процесса, для всего трудового опыта. Единство рѣчи можетъ, поэтому, развиться только на основѣ практическаго единства жизни человѣчества, а не путемъ условнаго соглашенія среди борьбы народовъ и классовъ. И наивно полагать, что нѣсколько ученыхъ, обладающихъ вмѣстѣ, можетъ быть, милліонною долей общечеловѣческаго опыта, въ силахъ выдумать организаціонную форму для всего этого опыта.

Лишь при господствѣ коллективизма можетъ свободно развернуться тенденція къ міровому единству рѣчи.

Можно съ увѣренностью сказать, что существуютъ и другія важныя тенденціи новой культуры, частью еще болѣе скованныя, частью не достаточно бросающіяся въ глаза, чтобы быть легко уловленными нашей наукою. Достаточно представить себѣ, какъ грандіозна, какъ подавляюще богата современная культура: культура высшая необходимо должна явиться еще несравненно болѣе богатою, болѣе грандіозною.

Но во всѣхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ намъ, тенденціяхъ коллективизма заключается одинъ смыслъ, одинъ всеобщій принципъ:

Сознательно-организованное объединеніе всѣхъ силъ человѣчества для борьбы съ природою, для безконечнаго развитія власти труда надъ нею.